

Введенский Д. И. Кровь брата: (Культура и жестокость. Быт. 4, 10) // Богословский вестник 1914. Т. 3. № 12. С. 816–831 (1-я пагин.).

КРОВЬ БРАТА.

(Культура и жестокость. Библейская параллель. Быт. 4:10).

Казалось бы, что около крови человѣка — мѣсто одной толькѡ смерти. Но уже первоисторія народовъ закрѣпила въ сознаніи человѣчества мысль, что жизнь есть начало смерти, а смерть есть начало жизни¹⁾, что могутъ быть живые среди мертвѣцовъ и мертвые среди живыхъ. Такъ, въ Авелѣ мы видимъ первого умершаго человѣка; но онъ же первый навсегда и вышелъ изъ среды мертвѣцовъ.

Выдѣляя Авеля, въ числѣ немногихъ, изъ среды допотопнаго человѣчества, апостолъ Павелъ удивительно выразительными словами вводить его въ семью вѣчно живыхъ. Свою „вѣрою, замѣчасть онъ, Авель и по смерти говоритъ еще“... (Посл. къ Евр. 11:4).

Не грѣшникъ, а праведникъ былъ первымъ умершимъ и первымъ мученикомъ за праведность—и кровь его навсегда стала безмолвною, но слышною и доселѣ проповѣдью для тѣхъ, которые думаютъ, что смерть есть мрачный утесъ, замыкающій выходъ изъ долины жизни. У подножія этого утеса есть надежная тропа, ведущая къ вѣчной жизни. Н-практическая цѣнность этой знаменательной проповѣди въ исторіи допотопнаго человѣчества устанавливается не теоріею, а фактомъ. Это—проповѣдь, запечатлѣнная кровью!

И если мы видимъ въ средѣ допотопнаго человѣчества не одни только „бездонныя облака“ и не одни только „бездонныя“, „исторгнутыя“ деревья, не однѣ только „пѣня-

¹⁾ J. Hastings, The greater men and women of the Bible. Edinburgh. Adam—Joseph. 1913, p. 71..

щіяся своїми срамотами волни“, какъ характеризуетъ апостоль Іуда (111—12) нечестивцевъ, вмѣстѣ съ допотопными кайнитами, то это значитъ, что кровь Авеля не сокрылась въ его могильномъ холмѣ, но выпла изъ него и дошла до неба (Быт. 410). Свѣтлая жизнь Авеля оставила, такимъ образомъ, чрезъ кровь, вѣчно блещущую полосу свѣта, озарившаго основаніе небеснаго града, заложеннаго Богомъ въ душѣ человѣка для обитанія въ немъ Богочеловѣка.

По одному, довольно распространенному, суевѣрному представленію кровь невинно-убитаго остается несмываемымъ темнымъ пятномъ на предметахъ, на которые излилась она. Мы думаемъ, что суевѣріе питается въ данномъ случаѣ на счетъ опредѣленнаго исторического факта. Начиная со дней Авеля ни одной капли праведной крови не кануло безслѣдно (Ев. Мѣ. 2335) для міра. Въ ней навсегда произнесенъ судъ надъ нечестіемъ. Городъ человѣческій могъ строиться и шириться, но онъ не страшень быль для града Божія, потому что изначала человѣческой исторіи установлено было, что пролитая кровь не есть признакъ смерти, что вѣра можетъ одинаково знаменоваться и подвигами живыхъ и смертью праведныхъ.

Одно талмудическое сказаніе передаетъ, что звѣри и птицы первые откликнулись на великую скорбь прародителей, такъ естественную при видѣ убитаго сына. Они зарыли, будто бы, въ землю прахъ Авеля. ²⁾ Въ этомъ сказаніи вѣрно, несомнѣнно, одно. Не Каинъ погребаль свою убитаго брата. Братоубийца же „пошелъ отъ лица Господня и поселился въ землю Нодъ... и построилъ городъ“ (Быт. 416—17). Первый городъ человѣческій быль построенъ, такимъ образомъ, какъ бы на крови брата. Такова, по Бібліи, начальная исторія материальной культуры.

Блаженный Августинъ, внимательно отмѣчающій въ своемъ сочиненіи „о градѣ Божіемъ“ отдѣльные моменты историческаго развитія градовъ Божія и человѣческаго и указывающій въ Кайнѣ первого основателя „земного града“, „убившаго гражданина града вѣчнаго“ ³⁾, говоритъ, что ма-

²⁾ Midrasch r. I M. Abschn. 22. Hamburger, R.—Encyclopädie fur Bibel und Talmud. Abth. I. Strelitz. 1884. S. 501.

³⁾ О градѣ Божіемъ. Твор. Ч. V. Киевъ. 1882. Кн. 15, гл. V. стр. 72.

теріальна культура нерѣдко и послѣ Кaina пятнадцать злодѣяніемъ, совершеннымъ когда-то Кainомъ. Такъ, онъ цитируетъ слова одного поэта, который говоритъ, что при основаніи Рима, когда Romulъ убилъ Rema, „первые стѣны его были обагрены братскою кровью“. Извѣстны и другія древнія сказанія объ основаніи городовъ, а иногда просто объ устроеніи мелочного личнаго благополучія на крови братьевъ⁴⁾. Быть можетъ и нельзя считать твердо установленною связь всѣхъ древнихъ легендарныхъ сказаній о братоубийцахъ съ библейскимъ повѣствованіемъ объ убійствѣ Kainomъ Avеля. Но безъ всякихъ поясненій и доказательствъ можно признать, что за дверями рая, у преддверія материальной культуры, еще въ доисторическія времена, встали жестокость и братоненавистничество. И если бы блаж. Августинъ жилъ въ наши дни, то ему пришлось бы только сказать, что поразительные успѣхи материальной культуры XIX-го и начавшагося XX-го вѣка нисколько не сдвинули строителей града человѣческаго съ кроваваго пути Kaina — и что жестокость, процвѣтавшая въ началѣ исторіи человѣчества, не отошла отъ этой культуры.

Kainъ крѣпкими цѣпями злобы приковалъ первую культуру къ городу, который онъ построилъ въ цѣляхъ самоогражденія послѣ братоубийства, хотя, можно думать, и не тотчасъ послѣ него.

Умеръ первый строитель первого города. Но воскресали и воскресали новые Kainы, которые съ огнемъ и мечемъ, вплоть до нашихъ дней, искали и ищутъ братской крови.

Насъ не могутъ удивлять кровавые походы гунновъ, монголовъ... На кровавый пиръ приводила ихъ дикость. Но мы не можемъ не вспомнить Kaina, когда станемъ говорить

⁴⁾ Геродотъ разсказываетъ, напримѣръ, что фараонъ Рамисинитъ, замѣтивъ хищенія въ своей сокровищницѣ, поставилъ въ своей сокровищницѣ капканъ, чтобы изловить преступника. Одинъ, изъ похитителей сокровищъ фараона попалъ въ капканъ. Другой похититель — братъ попавшагося отрубилъ послѣднему голову, чтобы скрыть слѣды преступленія. Геродотъ. II, 121. Ср. Патріархъ Йосифъ и Египетъ, проф. Д. И. Введенскій, стр. 259—260. Нѣкоторые изъ русскихъ богослововъ и въ этомъ легендарномъ сказаніи о Рамисинитѣ склонны видѣть намекъ на „связь между убійствомъ и основаніемъ“ городовъ. Ср., напр., А. Покровскій, Библейское ученіе о первобытной религіи. Сергіева Лавра. 1901. Стр. 349.

о тевтонахъ, слышавшихъ въ проповѣди Христовой голосъ Божій и проявляющихъ утонченную жестокость, выросшую подъ широко развѣвающимся знаменемъ материальной культуры.

Вѣра давно знаетъ, что изначальная исторія материальной культуры и кайнитовъ, какъ первыхъ представителей ея, есть подлинная исторія о томъ, что „больше всего хотѣлось знатъ людямъ—о дѣтствѣ человѣческаго рода и о его первыхъ шагахъ“. Сомнѣніе же, граничащее съ невѣріемъ, хотя и хочетъ видѣть въ библейскомъ повѣствованіи о начальной исторіи человѣчества примѣсь легенды⁵⁾), однако и оно готово признать, что въ первыхъ главахъ кн. Бытія сохранилась историческая правда относительно первыхъ шаговъ по пути материального культурнаго прогресса. По этому показанію Библіи относительно жестокости въ изначальной культурѣ могутъ быть составною частію общечеловѣческой исторіи.

И вотъ какими чертами рисуетъ бытописаніе Моисея общию ростъ материальной культуры въ допотопный періодъ. На грѣховной настроенности Каина стала самоутверждаться грѣховая плоть. Характеризуя кайнитовъ, Іосифъ Флавій говоритъ, что „еще при жизни Адама потомки Каина были крайне преступны, такъ что, слѣдя другъ за 'другомъ' и подражая одинъ другому, они становились хуже и хуже, вели безпрерывныя войны и постоянно отправлялись на грабежи. Вообще же если тотъ или другой изъ нихъ не особенно охотно предавался убийствамъ, то выдѣлялся безумною наглостью, своеоліемъ и корыстолюбиемъ“.⁶⁾ Эта характеристика кайнитовъ, данная іудейскимъ историкомъ, не расходится съ показаніями Библіи.

Въ семействѣ не слишкомъ отдаленнаго потомка Каина—Ламеха мы видимъ первыхъ представителей болѣе утонченной культуры. Каинъ только построилъ городъ, принудивъ, такимъ образомъ, по Іосифу Флавію, „близкихъ своихъ жить

⁵⁾ Э. Ренанъ. Исторія Израильскаго народа. Перев. съ фр. подъ ред. Дубнова. С.-П. 1908, стр. 44. Ср. также J. Hastings, The creater, op. cit. p. 55.

⁶⁾ Flavii Iosephi Opera. Ed. Niese. Berolini. Antiqu. Vol. I, I гл. II
Русск. перев. Генкеля, т. I. стр. 8.

въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ⁷⁾). Дѣти же Ламеха крѣпко привязали земной городъ „къ земнымъ радостямъ“⁸⁾ и житейскимъ удобствамъ. Еще и до Ламеха Авель занимался скотоводствомъ, но сынъ Ламеха—Іаваль сумѣть внести и въ кочевую жизнь номада нѣкоторыя удобства. Онъ завелъ шатры, укрывавшіе номада отъ зноя и непогоды.⁹⁾ Другой сынъ Ламеха—Іуваль какъ бы повысилъ требованія на жизнь: онъ изобрѣлъ музыкальныя инструменты. И разумѣется, не для похвалы изобрѣтателя упоминаетъ Бытописатель объ этомъ новомъ изобрѣтеніи¹⁰⁾. Третій сынъ Ламеха—Тувалкинъ также „переступилъ за предѣлы необходимости“¹¹⁾: онъ сталъ ковать разныя орудія не только изъ желѣза, но и изъ мѣди (Быт. 420—22). Быть можетъ самымъ характернымъ признакомъ общей религіозно нравственной настроенности семьи Ламеха является наименование дочери этого допотопнаго, уже до извѣстной степени „культурнаго“, кайнита. Она была названа Ноемою (*נוֹםָה*, LXX — *Noemâ*), то есть, миловидною, граціозною, прелестною.

Св. Іоаннъ Златоустъ обращаетъ особое вниманіе на упоминаніе Бытописателя о дочери Ламеха. „Что это за странность и новость?!“—спрашиваетъ онъ—и продолжаетъ: „вотъ теперь Писаніе первый разъ упоминаетъ отдельно о женщинахъ. Не просто и не безъ причины поступилъ такъ божественный пророкъ“¹²⁾... Дѣйствительно, упоминаніе Бытописателя о Ноемъ имѣть опредѣленный историческій смыслъ. При этомъ можно не ставить вопроса о томъ, когда дочь Ламеха получила свое имя—при рожденіи, или уже по достижениіи возраста зрѣлости. Вѣроятно, это имя было дано ей при рожденіи—подобно тому, какъ Ева дала при рожденіи имя своему пер-

⁷⁾ Ibid. Русск. пер. 7а.

⁸⁾ Бл. Августинъ. О градѣ Божиѣмъ. Твор. ч. V. Op. cit., kn. 15, гл. XV, стр. 101.

⁹⁾ Ср. Митроп. Филаретъ, Зап. на kn. Бытія. Москва. 1867; ч. I-я, стр. 95. Св. Ефремъ Сиринъ развиваетъ ту мысль, что Іаваль услаждалъ на пиршествахъ мясоъ животныхъ кайнитянокъ и спѣтовъ, увлекшихся дочерями человѣческими, тогда какъ Іуваль пѣнялъ сладкими звуками гуслей. Твор. Ч. VI. Москва. 1861. Стр. 363.

¹⁰⁾ Митр. Филаретъ. Зап. на kn. Быт. Op. cit. Ч. I-я, стр. 95.

¹¹⁾ Ibid. стр. 96.

¹²⁾ Твор. въ русск. перев. Т. IV, kn. 1-я. СП. 1898. Стр. 179. Бесѣда на kn. Быт. XX.

венцу—Каину (Быт. 4₁). Слѣдовательно, уже сами родители Ноемы взглянули на свое дитя—дѣвочку съ точки зрењія вкусовъ сладострастныхъ кайнитовъ, каковые вкусы привиты были позднѣе и сиѳитамъ (Быт. 6₂).

Кажется, что прелестная Ноема исторически можетъ быть названа первою женщиною, соблазнишею мужчинъ своею физическою красотою. И нѣкоторые ¹³⁾ не безъ основанія предполагаютъ, что развратъ плоти и мысли благочестивыхъ нѣкогда сиѳитовъ начался съ плотской связи какого-либо потомка Сиѳа съ этою представительницею женской красоты изъ потомства Каина.

Такъ, ко времени Ламеха выросло многовѣтвистое дерево материальной культуры. Въ ней, въ опредѣленныхъ зачаткахъ, было дано все содержаніе и всей позднѣйшей культуры. Желѣзо и бронза какъ бы узаконили насилие. Красота женщины произрастила цохоть и сдѣлала ее незавидной привилегіей сыновъ вѣка сего... Допотопный Ламехъ могъ торжествовать надъ міромъ, уже опираясь на плоды культуры. И онъ торжествовалъ. Объ этомъ говорить слѣдующая пѣснь Ламеха, обращенная къ женамъ его:

Ада и Цилла!—
Послушайте голоса моего;
Жены Ламеховыхъ!—
Внимайте словамъ моимъ:
Я убилъ мужа въ язву мнѣ
И отрока въ рану мнѣ.
Если за Каина отомстится всемеро,
То за Ламеха въ семидесять разъ всемеро (Быт. 423—24).

Эта пѣснь Ламеха, съ своеобразно-восторженнымъ изліяніемъ быстро смѣняющихся чувствъ, съ соблюденіемъ въ ней ритмомъ, съ стройнымъ повышеніемъ и понижениемъ отдѣльныхъ частей и параллелизмами, указываетъ на бесспорную и неоспариваемую древность ¹⁴⁾ ея. а вмѣстѣ съ тѣмъ она доносить до насть голосъ допотопнаго гордеца—Ламеха, оставившаго потомству кровавую пѣснь

¹³⁾ F. Hummelauer, Commentarius in Genesim. Parisiis. 1895, p. 191 (Ser: Cursus Script. Sacrae auct. R. Cornely, I. Knabenbauer, Fr. de Hummelauer ab. Soc. J. presb.).

¹⁴⁾ F. Hummelauer (Comment. in Genes. Op. cit. p. 191) даетъ сводъ сужденій (Ewald'a, Reuss'a и др.) о домоиссеевскомъ происхожденіи этой пѣсни.

мечу и мести. Такихъ горделивыхъ заявлений сравнительно немного въ исторіи. Но не будетъ преувеличениемъ, если мы скажемъ, что и многіе, современные намъ, тевтоны говорять въ тонъ съ допотопнымъ Ламехомъ, когда выражаютъ желаніе, чтобы „кровь ихъ враговъ лилась какъ дождь и головы ихъ сыпались, какъ снѣгъ“¹⁵⁾. Это голосъ подлинныхъ дѣтей Каина и Ламеха.

Экзегеты уже давно анализируютъ содержаніе пѣсни Ламеха и долго еще будутъ дѣлать это. Общая конструкція его рѣчи даетъ возможность придавать ей различные оттенки. Нѣкоторые понимаютъ пѣснь Ламеха какъ признаніе его въ совершенномъ убийствѣ мужа и отрока и даже находятъ въ ней элементъ покаянного настроенія и именно въ томъ, что онъ самъ разсказываетъ о своемъ преступленіи, какъ бы каюсь въ немъ¹⁶⁾. Но горделивое самовозыщеніе Ламеха во второй

¹⁵⁾ О жестокости отдѣльныхъ лицъ и варварскихъ народовъ знаетъ исторія. Но послѣдняя нерѣдко смягчаетъ свой суровый приговоръ о представителяхъ жестокости замѣчаніемъ объ ихъ дикости, некультурности. Это извиненіе едва ли можетъ / быть сдѣлано для тевтонцевъ. Печать ежедневно говоритъ съ негодованіемъ о звѣрствахъ германцевъ и австрійцевъ. Но, кажется, самымъ выразительнымъ показателемъ настроенія ихъ служатъ „кровавыя мечты“. Вотъ что сообщалось по этому поводу въ „Новомъ Времени“ (№ 13865). Солдаты, отправляясь на войну, украшали вагоны воинственными надписями. Одна изъ нихъ гласитъ: „если русская кровь польется дождемъ и французскія головы посыпятся, какъ снѣгъ, то мы будемъ просить Бога, чтобы Онъ продлилъ намъ такую погоду“. Съ этихъ надписей сняты снимки и они продаются въ видѣ открытокъ.

¹⁶⁾ Въ основѣ такого истолкованія, котораго держатся, напримѣръ, Св. Иоаннъ Златоустъ (Твор. Ор. cit. T. IV, кн. 1-я, стр. 180) и блаж. Феодоритъ (Твор. въ russk. перев. Ч. I-я, изд. 2-е. Сергіева Лавра. 1905 г. Толков. на кн. Бытія. Вопр. 45, стр. 41) лежитъ, повидимому, какое то древнее преданіе о раскаяніи Ламеха. Повидимому, это преданіе жило и во времена Іосифа Флавія, такъ какъ онъ называетъ Ламеха, человѣкомъ, хорошо понимавшимъ требованія религії. Онъ говорить объ этомъ: *„ο Λάμεχος... τὰ θεῖα σαφῶς ἔξεπιστάμενος... Flavii Iosephi Oreg. Antiqu. Op. cit. Vol. I, 1 гл. II. Св. Ефремъ Сиринъ. (Твор. Russk. пер. Op. cit. ч. VI-я, стр. 361—364) приводить различныя мнѣнія, которые существовали къ его времени по вопросу о смыслѣ пѣсни Ламеха. Вотъ они: по однимъ благочестивыя жены Ламеха заботились и о благочестіи мужа; но Ламехъ заявляетъ имъ, что онъ не сдѣлалъ ничего преступнаго: „развѣ я убилъ мужа, въ язву мнѣ“.. Другіе толковали пѣснь Ламеха въ смыслѣ самосвидѣтельства его о злочестіи, которое выражалось въ*

половинъ пѣсни, гдѣ онъ цѣнить жизнь свою въ семьдесятъ разъ всемеро дороже жизни Каина, лишаетъ такое истолкованіе психологической обоснованности. Это—раскаяніе безъ смиренія. Подавляющее большинство экзегетовъ признаютъ Ламеха

кощунственнымъ издѣвателствомъ надъ судомъ Божиимъ, причемъ смыслъ словъ Ламеха представляется иль такомъ видѣ: „если наказаніе Каину Богъ продлилъ до седьмого рода, то мнѣ, убившему двоихъ, продолжить еще болѣе, такъ что со мною должны погибнуть семьдесятъ родовъ, взятые семь разъ; мы умремъ и, вкусиивши чащу смерти, избавимся отъ того наказанія, которое за меня будетъ простираться до седми кратно семидесятаго рода“. Третыи толковали пѣснь Ламеха въ смыслѣ признания Ламеха въ убийствѣ Каина и одного изъ сыновей его, наиболѣе походившаго на отца, чтобы смыть позорное пятно, которое легло на все илемя кайнитовъ; послѣ этого какъ бы разрушена была преграда между поколѣніемъ Каина и Спіа. Ламехъ какъ бы говорилъ: „мужъ и юноша умерицвлены—украсьте теперь дочерей вашихъ для сыновей Спіевыхъ“... Такою хитростью Ламехъ привелъ, будто бы, къ смыщенію оба рода, разсуждая при этомъ, что если Богъ умилосердится къ Сиѳову роду, то окажеть милосердіе и кайнитамъ... Слѣдовательно, по этому истолкованію Ламехъ хотѣлъ обмануть Бога. Но иѣкоторымъ іудейскимъ сказаніямъ, на которыхъ указать митрополитъ Филаретъ (Зап. на и.н. Быт., оп. сіт. ч. I-я, стр. 96), ослабѣвшій глазами Ламехъ нечаянно убилъ встрѣтившагося ему Каина, котораго Тувалкаинъ—проводникъ отца принялъ за звѣря. Послѣ этого Ламехъ убилъ единственнаго свидѣтеля своего преступленія—собственцаго сына Тувалкаина. Такъ совершились убийства мужа и отрока. Психологическая невозможность истолкованія пѣсни Ламеха въ смыслѣ указанія на его раскаяніе очевидна. Всѣ же другія истолкованія пѣсни Ламеха придаютъ Ламеху характеръ жестокаго, хитраго гордеца, личность котораго дала поводъ для возникновенія различныхъ легендъ. Митрополитъ Филаретъ (*ibid.*) считаетъ Ламеха цѣлото-угодникомъ и счастолюбцемъ, который самодовольно говоритъ, что онъ не бытъ убійцей, а только многоженцемъ, который какъ бы говорить своимъ женамъ: „Ада и Селла! жены Ламеховы! я знаю, что инымъ двойкое супружество мое кажется страннымъ... И меня сравниваютъ съ Каиномъ, какъ изобрѣтателя новаго преступленія: но вы не смущайтесь таковыми сужденіями и не опасайтесь ничего: послушайте словъ моихъ, вслушайтесь въ рѣчь мою: убилъ ли я человѣка какъ сѣѧлъ Каинъ, или отрока, чтобы можно было мстить мнѣ раною, или хотя ударомъ. Ибо если Каинъ братоубійца безопасенъ: то Ламехъ многоженецъ, конечно, еще безопаснѣе и проч.“ Но едва ли при общей духовной настроенности кайнитовъ могли быть среди нихъ строгіе суды поведенія Ламеха. Съ другой стороны, странно, что, сравнивая предполагаемую преступность многоженства съ преступлениемъ Каина, Ламехъ говоритъ не объ одномъ фактѣ братоубийства, а о какомъ то двойномъ убийствѣ (мужа и отрока). Ср. Богословскій, Начало исторіи чира и человѣка. Казань. 1906, стр. 330, пр. 1.

меха, на основаніи его пѣсни, первымъ полигамистомъ—многоженцемъ, самодовольно хвастающимся предъ своими женами физической силой. Открытия Тувалкаина въ области металлургіи, быть можетъ, придали пѣсни Ламеха тотъ своеобразный колоритъ, за который Ленормантъ справедливо считаетъ ее проникнутой духомъ первобытной жестокости, такъ что ее удобно можно вложить и въ уста дикаря каменного вѣка, танцующаго около трупа своей жертвы ¹⁷⁾). Вопросъ только въ томъ, чѣмъ хвалится Ламехъ предъ своими женами—совершеннымъ ли убийствомъ или только намѣреніемъ убить всякаго, кто станетъ на пути его стремленій къ удовлетворенію личныхъ житейскихъ потребностей. Очевидно, что такое или иное рѣшеніе этого вопроса не мѣняеть существа дѣла. Совершающій человѣкоубийство и угрожающій имъ—одинаково преступны, хотя и въ различной степени наказуемы. Впрочемъ, судя по общему наклону предпотопнаго человѣчества въ сторону чувственности, можно признать, что Ламехъ хвалится уже совершеннымъ убийствомъ, которое завершило, можетъ быть, кровавую схватку семьи Ламеха съ какимъ-либо враждебнымъ ему родомъ ¹⁸⁾). Блаженный Августинъ, замѣчающій, что человѣческій градъ допотопнаго міра былъ „охарактеризованъ“ чрезъ „представителей“, каковыми были „два убійца—Кайнъ и Ламехъ“ ¹⁹⁾), рѣшительно признаетъ Ламеха человѣкоубийцей.

И открытое признаніе Ламеха его женамъ въ совершенномъ имъ человѣкоубийствѣ будетъ вполнѣ понятно, если мы обратимъ вниманіе на имена его женъ. Въ нихъ, какъ и во многихъ библейскихъ именахъ, мы имѣемъ своего рода закрытыя страницы общечеловѣческой исторіи, такъ какъ въ именахъ, даваемыхъ рождающимся, нерѣдко таятся пожеланія самихъ имядателей. Ада (^{נָחָת} отъ гл. ^{נָחַת} украшаться)—значить украшеніе ²⁰⁾), и Цилла (^{צִילָה} отъ ^{לִילָה}) — тѣнь,

¹⁷⁾ Эти слова Lenormant'a повторяются въ Comment. in Genes. Hummelauer'a. Op. cit. p. 193.

¹⁸⁾ Это предположеніе дѣлаетъ проф. Богородскій. Op. cit. стр. 329.

¹⁹⁾ О градѣ Божіемъ. Твор. Ч. V. Op. cit., кн. 15 гл. XXI, стр. 119.

²⁰⁾ Ср. напр. выраж. ^{נְחַתְּנָה נְחַתְּנָה נָחָתָה} — укрась же себя величиемъ... Іовъ 40:10; русск. Синод. пер. 405. Въ такомъ же значеніи ^{עַתָּה} употребл. и въ другихъ мѣстахъ Свящ. Пис. Ср. Künig, Hebräisches und aramäisches Wörterb. zum A. Test. Leipzig. 1910. S. 314.

точнѣе сѣнь, прохлада²¹⁾). Эти имена, какъ и имя дочери Ламеха, показываютъ, что вкусы кайнитовъ при оцѣнкѣ женщины очень часто вращались въ области чувственныхъ желаній. Такая женщина, понимающая настроение цѣнителей ихъ красоты и дорожащая этой оцѣнкой, не остановить, конечно, руку убийцы, мстящаго врагу за цѣлость и честь своего рода и не откажеть въ сочувствіи торжествующему надъ врагомъ мужу—убийцѣ, каковымъ и былъ, надо полагать, допотопный Ламехъ.

Такимъ образомъ и въ допотопной исторіи человѣчества мы видимъ то же самое, что позднѣе наблюдалось въ жизни другихъ народовъ, у которыхъ имена женщинъ не только выражали настроеніе мужчинъ, но и предопредѣляли, такъ сказать, и поведеніе женщинъ. Такъ, мы знаемъ, напримѣръ, что распущенность нравовъ египтянъ, болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до Р. Христова, свидѣтельствовалась такими эпитетами женщинъ: „прекрасная“, „красавица“, „сикомора“, „любимица“, „моя повелительница“, „маленькая кошечка“²²⁾ и т. п.

Въ исторіи Кайнитовъ открывается и внутренняя природа материальной культуры. Въ началѣ она является полезною союзницею человѣка въ его борьбѣ съ силами природы, а потомъ, выводя человѣка за предѣлы нужды, пріучаетъ его къ излишествамъ и, культивируя физическую силу, учить насилию и жестокости. Такова, по крайней мѣрѣ, была культура допотопного человѣчества, отъ ея начала и до конца. На послѣдней ступени ея было торжество силы и грубой чувственности.

„Когда люди начали умножаться на землѣ, и родились у нихъ дочери, тогда сыны Божіи, т.-е. потомки Сиѳа²³⁾, увидѣли дочерей человѣческихъ, что онѣ красивы, и брали ихъ себѣ въ жены... Въ то время были на землѣ исполины, особенно же съ того времени, когда сыны Божіи стали входить къ дочерямъ человѣчества²⁴⁾.

²¹⁾ Имена „Ада“ и „Цилла“ сохранились и въ арабскомъ языке въ формѣ „ghada“ и „sâla“, „salaita“. Ibid. S. 314, 387.

²²⁾ Д. Введенскій. Патріархъ Іосифъ и Египетъ, оп. сіт. стр. 197.

²³⁾ Блаженный Феодоритъ называетъ „несмыслиными“ тѣхъ, кто подъ сыновами Божіими разумѣеть ангеловъ. Твор. въ russk. пер. Ч. I-я, оп. сіт. Вопр. 48, стр. 42.

вѣческимъ, и онъ стали рождать имъ: это сильные, издревле славные, точище (согласно значенію слова Σῶ) извѣстные, выдвинувшіеся изъ общей среды ²⁴⁾, люди. И увидѣлъ Господь, что велико развращеніе человѣковъ на землѣ, и что всѣ мысли и помышленія сердца ихъ были зло во всякое время” (Быт. 6:1—2, 4—5). Таковъ былъ итогъ жизнедѣятельности худшей половины человѣческаго рода въ допотопный періодъ. Человѣкъ сталъ „плотью” (Быт. 6:3). Онъ былъ таковыи и всегда по своей физической природѣ. Но теперь онъ сталъ таковыи и по своей этической природѣ.

Восторжествовала плоть—размножились, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всегда бывши на землѣ исполины, которые, очевидно, при господствѣ силы, стали поглощать общее вниманіе проявленіемъ ея. Эти исполины (LXX γύγαρτες; масор. גָּמְגָלִים) были тиранами ²⁵⁾. Мысль ихъ не расходилась съ дѣлами. Они родились, жили и умирали только для себя ²⁶⁾.

Исторія знаетъ о гигантахъ вообще: они были всегда. Такъ, блаж. Августинъ говорить, что въ Римѣ предъ опустошеніемъ его готами была женщина—гигантъ, которую приходили смотрѣть толпы народа, тогда какъ родители этой женщины не были гигантами. ²⁷⁾ Библія также упоминаетъ объ исполинахъ. Ихъ видѣли, напримѣръ, въ землѣ Ханаанской посланные Моисеемъ соглядатаи, которымъ показалось даже, что они, посланцы, были саранчею въ сравненіе съ исполинами Ханаана (Числ. 13:4). Мы знаемъ о рефаймахъ, одинъ изъ которыхъ—Огъ, царь Вассанскій, имѣлъ желѣзный одръ длиною „въ девять локтей, а шириной въ

²⁴⁾ Ср. Богородскій, оп. сіт. стр. 343.

²⁵⁾ Слово גָּמְגָלִים (отъ גָּמֵר—быть, дѣлаться сильнымъ) опредѣляетъ гигантовъ именно какъ насильниковъ, тирановъ. Н. Lesêtre. T. „Géants“. Ср. Vigouroux, Dictionnaire de la Bible. Paris. 1903. T. III, col. 137.

²⁶⁾ Ср. выраж. LXX „καὶ ἐγενάθαν ἑαυτοῖς“ (Быт. 6:4). Блаженный Августинъ оставляетъ особое вниманіе на этомъ выраженіи. „И рождаху себѣ“ (какъ и у наст. въ слав. перев.), говорить онъ, достаточно указывать, что сыны Божіи, прежде чѣмъ пали, рождали Богу; а не себѣ: т. е. не вѣдѣствие господства надъ ними половой страсти, а выполнения обязанности дѣтворожденія, рождали не семью—предметъ собственной гордости, а гражданъ Града Божія... Русск. пер., оп. сіт. кн. 15, гл. XXIII, стр. 124.

²⁷⁾ Ibid. стр. 123.

четыре мужескихъ локтя” (Второз. 311). Голіаєвъ былъ шести локтей съ пядью (І Царств. 74). Но все эти исполины выдѣляли только иѣкоторыя племена изъ среды другихъ, или же были единичными личностями, мало вліявшими на общий ходъ человѣческой исторіи ²⁸⁾). Но въ допотопный періодъ они создали, повидимому, общее настроение и прекратили долготерпѣніе Божіе ²⁹⁾, если Библія говорить о размноженіи ихъ.

Мрачная эпоха господства тирановъ въ изначальной исторіи человѣческаго рода оставила неизгладимый слѣдъ въ сознаніи народовъ. Преданія почти всѣхъ народовъ древнаго міра знаютъ о какой-то исключительной эпохѣ господства великановъ на землѣ. И, быть можетъ, самое замѣчательное во всѣхъ этихъ преданіяхъ о великанахъ то, что происхожденіе ихъ часто ставится въ связь съ братоубийствомъ, являющимся первымъ грѣхомъ, приведшимъ въ міръ ³⁰⁾.

Человѣчество забыло или перепутало отдалыные историческія имена, но оно хорошо удержало въ памяти фактъ исторической борьбы зла съ добромъ, фактъ насилия злыхъ надъ добрыми. Въ халдейскихъ сказаніяхъ не затерялось даже общее библейское опредѣленіе исполиновъ. Послѣдніе носятъ здѣсь название „gabru“ или „gibbor“, то есть, тождественное съ библейскимъ „gibborim“ ³¹⁾. Въ этихъ же халдейскихъ сказаніяхъ, сохранившихся у Абидена ³²⁾ и Бероза ³³⁾, говорится, что „первые люди, сверхъ мѣры возгордившіеся своей силой и гигантскимъ ростомъ, стали презирать боговъ и считать себя выше ихъ“. И это преда-

²⁸⁾ Оѣи исполинахъ вообще см. у H. Lesêtre, Vigouroux, Diction. Т. III, op. cit. col. 135—138.

²⁹⁾ Ср. митрап. Филаретъ, Зап. на кн. Быт. Op. cit. Ч. I-я, стр. 110.

³⁰⁾ H. Lüken. Die Traditionen des Menschengeschlechts. Münster. 1856. S. 148, 150, 165.

³¹⁾ Различіе отъ библейского повѣствованія заключается только въ томъ, что халдейское сказаніе относитъ гигантовъ ко временамъ постъпотопнымъ. Vigouroux, La Bible et les decouvertes modernes en Palestine, en Egypte et en Assyrie. T. I. Paris. 6-e edit. 1896, p. 297. Ср. H. Leestre, Vigouroux, Diction. Т. III, op. cit. col. 137.

³²⁾ Vigouroux, La Bible... op. cit. p. 297.

³³⁾ Fr. Lenormant. Histoire ancienne de l’Orient. 9-e edit. T. I. Paris. 1881, p. 49.

ніс о первобытныхъ великанахъ и объ ихъ жестокости и возстаніи противъ неба обще арійцамъ, семитамъ и кушитамъ ³⁴⁾.

Иногда эти изначальныя преданія о начальной исторіи человѣчества перемѣшиваются и сливаются съ натуралистическими міѳами, изображающими борьбу силъ природы. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ міѳологическихъ сказанияхъ о борьбѣ титановъ съ богами ³⁵⁾ увѣковѣчены, можетъ быть, какіе-либо катастрофы, происшедшія отъ дѣйствія вулкановъ. А одна изъ такихъ катастрофъ имѣла, дѣйствительно, мѣсто въ очень древнія времена, когда, начиная отъ Франціи до береговъ Сиріи, произошли страшныя превращенія на поверхности земли, появились новые острова изъ кипящихъ водъ Егейскаго моря, открылись новые кратеры вулкановъ—и человѣчеству могло показаться тогда, что въ этой борьбѣ стихій и какъ бы въ конвульсівныхъ содроганіяхъ природы принимаютъ участіе исполины и боги ³⁶⁾). Но и въ эти натуралистическая и космогоническая представленія вошелъ исторический элементъ, доносящий человѣку изъ глубочайшей древности преданія о самомъ же человѣкѣ, потому что во всѣхъ этихъ міѳахъ вложена опредѣленная изначальная идея божественнаго наказанія людей за проявленіе ими насилия и жестокости. Не говоримъ уже о томъ, что проницательные міѳологи ³⁷⁾ съ рѣшительностью указываютъ и въ натуралистическихъ міѳахъ кромѣ общей идеи опредѣленные частные элементы, которые, въ свою очередь, показываютъ, что космогоническая антропоморфная представленія ³⁸⁾ вилетались въ дѣйствительную исторію человѣческаго рода. И не удивительно, что іудейскій историкъ Іосифъ Флавій, говоря о допотопныхъ исполинахъ, вспоминаетъ гигантовъ греческой міѳологии.

³⁴⁾ Ibid. p. 50.

³⁵⁾ Такое сказаніе имѣется, напримѣръ, у Гезіода. Ibid. p. 53.

³⁶⁾ Ibid.

³⁷⁾ Подробное замѣченіе объ этомъ см. у Le Normant'a. Ibid. p. 53 etc.

³⁸⁾ Пластическое изображеніе міѳа о битвѣ боговъ и гигантовъ имѣется на одной амфорѣ, относимой нѣкоторыми къ вѣку Александра Македонскаго и находящейся въ Луврскомъ музее. Гиганты изображены вѣсами, исполинами съ дубинами, луками, камнями и зажжеными факелами. Изобр. см. у Le Normant'a. Ibid. p. 52—53.

На фонѣ общихъ представленій о нечестіи допотопныхъ людей съ опредѣленностью вырисовываются въ народныхъ преданіяхъ и отдѣльныя историческія лица, въ которыхъ можно угадать библейскихъ Каина, Авеля, Тувалкаина⁴⁰). Такъ у вавилонянъ, персовъ, финикийцевъ, египтянъ, индійцевъ, китайцевъ, народовъ Европы, Америки и островитянъ говорится о двухъ сыновьяхъ первыхъ людей,—о зломъ и добромъ. Имя Тувалкапнаозвучно съ Вулканомъ римлянъ. Знаютъ, повидимому, преданія народовъ и Еноха⁴¹)—эту яркую звѣзду доисторической патріархальной исторіи. У вавилонскаго жреца Бероза въ числѣ первыхъ царей вавилонскихъ упоминается Едоранхъ⁴²). Этотъ царь, изъ числа доисторическихъ царей, угождалъ богамъ и находился въ общеніи съ ними, почему ассириологи и сопоставляютъ его съ библейскимъ Енохомъ.

Такъ, народамъ древности хорошо памятны первые плоды материальной культуры, убившей въ человѣкѣ духъ. Знаютъ, какъ видно, эти преданія и о томъ, что на общемъ мрачномъ фонѣ доисторической жизни были и отрадные просвѣты, о чёмъ такъ выразительно говоритъ Библія, сохранившая намъ имя первого мученика Авеля и имя первого праведника Еноха, который хожденiemъ прѣдъ Богомъ (Быт. 5:22) раствориулъ узы смерти и показалъ личнымъ бессмертіемъ, что

⁴⁰⁾ Flavii Iosephi, op. cit. Vol. I, I гл. Шт. Русск. перев. стр. 10.

⁴¹⁾ Lüken. Op. cit. S. 148—164. Lenormant утверждаетъ, что библейское сказание о построеніи Каиномъ города послѣ убийства Авеля увѣковѣчено въ миѳологии Вавилона, гдѣ третій мѣсяцъ „Sivan”—мѣсяцъ киріллическихъ построекъ имѣть своимъ знакомъ *близнецовъ*, чѣмъ, думаетъ онъ, и дѣлается намѣкъ на построеніе первого города Каиномъ. Впрочемъ, Всев. Миллеръ, приводящій на справку указанное замѣченіе Ленормана, говоритъ, что близнецы иудо-европейскихъ народовъ обозначаютъ солнце и мѣсяцъ, почему данное замѣченіе Ленормана онъ считаетъ еще недостаточно доказаннымъ. Всев. Миллеръ. Очерки Арийской миѳологии въ связи съ древнейшей культурой. Т. 1. Асвины-Діоскуры. Москва. 1876. Стр. 346—348.

⁴²⁾ Lüken, op. cit. S. 162—163.

⁴³⁾ Въ вариантахъ: *Ενεδωραχος*, *Ενεδωρευχος*. Вавил.—Enmeduranki. Gressmann, Altorient. Texte und Bilder. z. A. Test. Tübingen. 1909. B. I. Texte. S. 39. Schrader, Die Keilinschriften und. d. A. Test. 3 Aufl. Berlin. 1903. S. 376, 405. Jeremias, Das A. Test. im Lichte d. Alt. Orients., 2-te Aufl. Leipzig. 1906, S. 222.

смерть для мужа вѣры (Евр. 11:5) не можетъ разорвать единства земной и небесной жизни ⁴³⁾.

Человѣчество и въ наши дни не перестаетъ идти впередъ по пути культурнаго прогресса и, несмотря на внушительные уроки прошлаго, желаетъ крѣпкими цѣпями культуры приковать себя только къ землѣ, какъ во дни Канинтовъ. Кровь брата не страшитъ его...

Римскій историкъ Тацитъ сохранилъ для насъ одну интересную подробность.

Римскіе легіоны въ дни Тиверія вели борьбу съ германцами. Германцы были разбиты. Обходя мѣсто битвы, победители нашли на мѣстѣ недавняго сраженія цѣпи, которыя враги пронесли для того, чтобы заковать въ нихъ римлянъ ⁴⁴⁾.

И снова тѣ же германцы несутъ своимъ врагамъ цѣпи. Но они выкованы теперь уже не молотомъ, а культурою, въ которой снова проснулась жестокость допотопныхъ насильниковъ. Интересна также характеристика германцевъ, данная римскимъ полководцемъ Германикомъ. Собравъ воиновъ предъ самою битвою съ послѣдними, онъ сказалъ: „въ счастьи германцы не помнятъ ни о божественномъ, ни о человѣческомъ правѣ“ ⁴⁵⁾. И тотъ же Германикъ сказалъ послѣ пораженія германцевъ: „только въ истребленіи этого народа конецъ войны“ ⁴⁶⁾.

И снова, ввиду переживаемыхъ событий, невольно вспоминаются намъ допотопные библейскіе исполины и жесткія, быть можетъ, но такъ внушительныя слова Германика о германцахъ. Германцы сами подводятъ себя подъ безпристрастный судъ исторіи.

Много жертвъ приносить Русскій народъ вмѣсть съ своими союзниками, много гибнетъ и враговъ. Но если первыхъ движаетъ къ смерти жажды жизни и послѣ смерти, то большинство вторыхъ идетъ на смерть ради желанія господствовать надъ миромъ, хотя бы и цѣною крови брата.

---

⁴³⁾ J. Hastings, *The creator...* op. cit. p. 71.

⁴⁴⁾ Корнелій Тацитъ. Сочиненія перев. съ лат. А. Клеванова, Москва. 1870 г. Кн. II 18; стр. 57.

⁴⁵⁾ Ibid. Кн. II 14; стр. 56.

⁴⁶⁾ Ibid. Кн. II 21; стр. 59.

Но кровь неповинного брата не исчезаетъ, какъ не исчезла и кровь Авеля.

Исторія, какъ безпристрѣтный судья, запишетъ всѣ дѣянія человѣка, всѣхъ пролившихъ кровь свою, но только крови брата не забудеть она никогда, какъ не забыла она и крови Авеля.

Димитрій Введенскій.
